

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.С. Серебrenиков

**Самооткровение духа как
источник его познания:**
речь, произнесенная на торжественном акте
СПб. духовной академии
17 февр. 1897 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 3. С. 424-439.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

САМООТКРОВЕНІЕ ДУХА

какъ источникъ его познанія.

(Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи 17 февраля 1897 года).

*„Кто бо вѣсть отъ чловѣкъ,
къ се въ чловѣкъ, точіи духъ
чловѣка живущій въ немъ?“
(1 Кор. II, 11).*

НИГДѢ такъ ясно не выражается особая природа чловѣческаго духа, какъ въ способѣ его познанія. Матеріальный міръ познается нами посредствомъ внѣшняго воспріятія и наблюденія. Воспріятіе знакомитъ насъ съ единичными явленіями, а посредствомъ наблюденія мы даемъ себѣ отчетъ въ существующихъ между ними связяхъ. И съ жизнію духа мы знакомимся также чрезъ воспріятіе и наблюденіе. Но это воспріятіе и наблюденіе бываетъ двухъ родовъ: внѣшнее и внутреннее. Мы изучаемъ духъ или по его проявленіямъ и дѣйствіямъ въ матеріальномъ мірѣ, или непосредственно чрезъ его самооткровеніе. Если первый способъ можетъ показаться аналогичнымъ способу познанія матеріальнаго міра, то второй полагаетъ рѣзкую грань между духомъ и матеріею. Матерія слѣпа и безучастна ко всему, происходящему въ ней. Духъ же, существуя для себя, сознаетъ себя и оцѣниваетъ все съ точки зрѣнія своихъ запросовъ.

Казалось бы, что это различіе такъ ясно. На дѣлѣ, вопросъ о способѣ познанія жизни духа служитъ предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Существуетъ цѣлый рядъ мыслителей и ученыхъ, которые стараются доказать, что психическая жизнь познается не чрезъ самооткровеніе духа, а посредствомъ внѣшняго воспріятія и наблюденія.

Въ этомъ отрицаніи специфическаго способа познанія духа нельзя не видѣть преклоненія изслѣдователей предъ изумительными успѣхами естествознанія новаго времени. Естественныя науки съ каждымъ годомъ расширяють кругъ своихъ изслѣдованій. Внося въ изслѣдованія необычайную точность, онѣ открываютъ точные законы, которые не только объясняютъ явленія, но и даютъ возможность предугадывать ихъ. Не то представляетъ собою наука о жизни духа. До сихъ поръ она стоитъ на степени описательной науки. Самыя описанія, дѣлаемые ею, не имѣють желательной опредѣленности и точности. Одни и тѣ же душевныя явленія одними психологами описываются такъ, другими— иначе. Отсюда у изслѣдователей само собою является мысль, что наука о жизни духа или не возможна, или если возможна, то должна быть поставлена иначе. Душевную жизнь нужно изучать по тѣмъ же самымъ приѣмамъ, по которымъ изучаются явленія физическаго міра. Это, впрочемъ, одна сторона разсматриваемаго явленія. Другая сторона заключается въ особомъ настроеніи современнаго общества. Наше время есть время практическихъ открытій и усовершенствованій. Техническія усовершенствованія, идя рука объ руку съ развитіемъ естественныхъ наукъ, невольно приковываютъ вниманіе современнаго человѣка къ матеріальному міру и развиваютъ пристрастіе къ его благамъ. Никакіе вопросы не занимають современное общество такъ сильно, какъ вопросы относительно матеріальнаго благоустройства. Въ такое время всякое разсужденіе о специфическихъ особенностяхъ духа и его жизни является чѣмъ то страннымъ и непонятнымъ. Даже самое названіе «духъ» слышится въ настоящее время рѣдко. Проникнутый матеріальными интересами человѣкъ не хочетъ и не можетъ судить о духѣ и его жизни иначе, какъ въ терминахъ матеріальнаго міра.

Это послѣднее явленіе ненормально и должно рано или поздно кончиться. Въ русскомъ обществѣ уже начался поворотъ въ другую сторону. Горькій опытъ показалъ намъ, что исключительная погоня за матеріальными благами даже не отдѣльныхъ единицъ, а цѣлаго общества можетъ повести къ ниспроверженію глубочайшихъ основъ, на которыхъ зиждется наша государственная и общественная жизнь. У насъ начинается пробуждающееся сознаніе, что наше спасеніе въ религіозномъ и нравственномъ образованіи и развитіи. И это должно принести

свой добрый плодъ. При новомъ настроеніи общества, нужно думать, и изслѣдователи жизни духа измѣнять свой взглядъ на способъ его изученія. А пока эта переменна еще не настала и ложныя возрѣнія продолжаютъ оказывать свое вліяніе на общество, мы должны бороться съ ними.

Разобрать ложныя мнѣнія по вопросу о способѣ познанія духа и намѣтить правильное рѣшеніе этого вопроса — и будетъ предметомъ настоящей рѣчи.

Мы не будемъ разбирать всѣхъ мнѣній, потому что это потребовало бы очень много времени, а остановимъ вниманіе на самыхъ рельефныхъ. Эти мнѣнія могутъ быть подѣлены на три группы.

Первое и самое парадоксальное мнѣніе заключается въ томъ, что внутреннее воспріятіе, или чувство, которое непосредственно знакомитъ насъ съ душевными явленіями, невозможно. Это мнѣніе было высказано еще Гоббесомъ. Гоббесъ училъ: если бы акты воспріятія к.-л. предметовъ непосредственно отражались въ сознаніи, то должны были бы непосредственно отражаться въ сознаніи и эти отраженія, равно какъ и отраженія отраженій безъ конца. Признать это мы должны въ силу простой послѣдовательности. Разъ допущено, что воспринимаются воспріятія предметовъ, — нужно допустить, что воспринимаются и воспріятія воспріятій, потому что между тѣми и другими, какъ актами, нѣтъ никакого различія. Но тогда при воспріятіи всякаго предмета должно было бы получаться воспріятіе воспріятія до безконечности. А это — абсурдъ. Слѣдовательно, воспріятіе психическихъ актовъ невозможно¹⁾. Въ новое время противъ возможности внутренняго воспріятія возражалъ Кантъ. Внутреннее воспріятіе, или чувство, думаетъ Кантъ, какимъ бы внутреннимъ мы ни представляли его, всегда останется чувствомъ. Но природа чувства такова, что при помощи его мы можемъ воспринимать лишь тѣ явленія, которыя находятся предъ нами, а не въ насъ или позади насъ. Какъ глазъ самъ не видитъ себя и не выходитъ изъ себя, но, встрѣтившись, два глаза привѣтствуютъ другъ друга, мѣняясь своими образами,²⁾ такъ и чрезъ внутреннее чувство, если бы оно существовало, мы могли бы

¹⁾ Des-Cartes, Opera. In uno vol., I—VII part. Editioi Ezevirii. 1670—2. *Objectiones tertiae*. Object. 2.

²⁾ Шекспиръ, Трояль и Крессяда III, 3. См. Льюисъ, Изученіе психологій. Москва. 1890. Пер. под. ред. Воборыкина. Стр. 84.

воспринимать только внѣшнія явленія, а не свои собственныя¹⁾). Въ настоящее время нельзя указать ни одного изслѣдователя, который со всею рѣшительностью возставалъ бы противъ возможности внутренняго чувства. Находятся отдѣльныя единицы, которыя примыкаютъ къ мнѣнію Конта. Но ихъ возраженія скорѣе направлены противъ возможности внутренняго наблюденія, чѣмъ чувства. И это понятно. Отрицаніе внутренняго чувства равносильно положенію, что мы ничего ровно не знаемъ о существованіи к.-л. мыслей, чувствованій, желаній, — вообще душевныхъ явленій. А это — очевидная нелѣпость.

Второе довольно распространенное въ наши дни мнѣніе направлено противъ возможности внутренняго наблюденія. Какъ извѣстно, между наблюденіемъ и воспріятіемъ вообще существуетъ большая разница. Воспріять какое-либо явленіе — значитъ непосредственно сознать его. Произвести же наблюденіе надъ явленіемъ — значитъ активно устремить на него вниманіе и чрезъ уясненіе связи, существующей между отдѣльными его моментами, мысленно построить изъ нихъ образъ цѣлаго. Увидѣть, напр., фазы луны еще не значитъ произвести наблюденіе надъ ними. Чтобы произвести наблюденіе, для этого нужно прослѣдить, въ какомъ порядкѣ отдѣльныя фазы луны смѣняются, и затѣмъ мысленно поставить ихъ въ этомъ порядкѣ предъ собою и соединить въ одно цѣлое. Отсюда открывається возможность двоякаго отрицательнаго отношенія къ внутреннему чувству и наблюденію: можно — или отрицать то и другое, или же отрицать только внутреннее наблюденіе и признавать внутреннее чувство. Представителями мнѣнія о невозможности внутренняго наблюденія являются, съ одной стороны, Контъ²⁾, съ другой, Brentano³⁾ и Вундтъ⁴⁾. Мы остановимъ свое вниманіе на мнѣніи одного Конта, потому что только онъ отрицалъ внутреннее наблюденіе безусловно. Brentano же и Вундтъ, признавая внутреннее чувство, ищутъ выхода изъ своего отрицанія. Brentano полагаетъ, что мы можемъ наблюдать надъ душевными явле-

¹⁾ Comte, Cours de Philosophie Positive, 2^e éd. Paris. 1864. I, p. 30 и слѣд. Ср. Brentano, Psychologie. Leipzig. 1874. I, p. 39—40. 42.

²⁾ Comte, l. c.

³⁾ Brentano, Psychologie, I, p. 35.

⁴⁾ Wundt, Die Aufgaben der experimentellen Psychologie. Separatabdruck aus „Unsere Zeit“, 1882. III. p. 9.

ніями по воспоминанію ¹⁾), а по мнѣнію Вундта, внутреннее наблюденіе дѣлается возможнымъ чрезъ экспериментъ ²⁾). Заслуживаетъ вниманія мнѣніе Конта еще и съ другой стороны. Контъ привелъ въ защиту своего мнѣнія такія соображенія, подѣ давленіемъ которыхъ, видимо, находятся и Brentano и Вундтъ, когда отрицаютъ возможность наблюденія надъ душевными явленіями во время ихъ обычнаго теченія.

По ученію Конта, наблюденіе надъ познавательными актами невозможно. Всякій познавательный актъ есть самъ по себѣ дѣятельность. Наблюденіе надъ нимъ есть другая дѣятельность. Но нельзя представить, чтобы мы одновременно совершали двѣ различныхъ дѣятельности. «Наблюдать умственные явленія во время ихъ дѣйствія, говорить Контъ, рѣшительно невозможно. Это непреодолимая необходимость, вслѣдствіе которой человѣческой духъ способенъ прямо наблюдать всѣ явленія, исключая явленій своего Я. Мыслящій человѣкъ не можетъ раздѣляться на двое — быть одновременно и размышляющимъ и наблюдающимъ» ³⁾). Эта же невозможность замѣчается и по отношенію къ состояніямъ чувствованія. Опытъ показываетъ, что всякій разъ, какъ мы дѣлаемъ попытку наблюдать надъ какимъ-либо чувствованіемъ, оно сейчасъ же исчезаетъ ⁴⁾).

Третье и послѣднее мнѣніе, на которомъ мы должны остановить свое вниманіе, является какъ бы дополненіемъ къ второму. Внутренній опытъ, говорятъ представители этого мнѣнія, есть мутный источникъ, изъ котораго нельзя почерпнуть сколько-нибудь надежныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни духа. Такія свѣдѣнія могутъ быть получены только изъ объективнаго источника, то есть изъ внѣшняго наблюденія. Нѣтъ ни одного душевнаго явленія, которое такъ или иначе не проявлялось бы во внѣ. Эти внѣшнія проявленія чрезвычайно разнообразны и представляютъ весьма богатый матеріалъ для внѣшняго наблюденія. Сюда относятся прежде всего выразительныя движенія, каковы, напр., мимика лица, жесты и звуки. Мы понимаемъ, что кто заливается смѣхомъ, тотъ веселъ, кто издаетъ стоны — страдаетъ, кто стискиваетъ зубы и сжимаетъ

¹⁾ Brentano, Psychologie, p. 42 и слѣд.

²⁾ Wundt, Selbstbeobachtung und innere Wahrnehmung. Separat-
abdruck aus „Philos. Studien“, p. 301. Ср. Grundzüge der physiologischen
Psychologie, 4-te Auflage, Leipzig, 1895, p. 4.

³⁾ Comte, l. c.

⁴⁾ Ibidem.

кулаки — тотъ находится въ состояніи ярости и т. п. Еще больше мы судимъ о душевныхъ состояніяхъ людей по ихъ словамъ. Посредствомъ словъ каждый можетъ выразить другимъ, что онъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ, какими задается цѣлями и т. п. Но не въ выразительныхъ движеніяхъ и рѣчи заключается центръ тяжести. Они составляютъ только какъ-бы введеніе къ объективному изученію жизни духа. Больше надежнымъ показателемъ душевной жизни людей служатъ ихъ поступки. На словахъ человѣкъ можетъ приписывать себѣ то, чего въ немъ нѣтъ. Въ поступкахъ же и вообще въ поведеніи сказывается настоящій человѣкъ. Человѣкъ, напр., говорить, что онъ не стяжатель. Но если наблюденіе надъ его поведеніемъ показываетъ, что онъ не упускаетъ случаевъ увеличить свое матеріальное благосостояніе и является глухимъ къ обращаемымъ къ нему приглашеніямъ и просьбамъ о помощи нуждающимся, то мы мало придаемъ вѣры его словамъ. Не даромъ говорили римляне: *verba docent, exempla trahunt*. Далѣе, мы можемъ знакомиться съ человѣческимъ духомъ чрезъ изученіе продуктовъ человѣческаго творчества. Естественныя религіи, науки, искусства, гражданскіе и политическіе уставы, матеріальныя созданія, словомъ—все, въ чемъ только выражается дѣятельность человѣка, служатъ матеріаломъ для изученія жизни духа. Историки придумали способы извлекать изъ народныхъ обычаевъ, легендъ и мифовъ скрывающіеся въ нихъ историческіе факты. Они научились снимать съ нихъ оболочку, сотканную душевною обработкою. Въ изслѣдованіяхъ жизни духа все вниманіе, напротивъ, должно быть обращено именно на эту обработку, потому что она-то и содержитъ объективный слѣдъ душевной дѣятельности, по которому и должно изучать свойства и законы жизни духа. ¹⁾ Не мало поучительнаго матеріала можетъ дать затѣмъ наблюденіе надъ душевно больными и идиотами. Но самое важное значеніе для изученія жизни духа должны имѣть наблюденія надъ жизнію первобытныхъ народовъ, дѣтей и особенно животныхъ. Естественный порядокъ познанія состоитъ въ восхожденіи отъ простаго къ сложному. Только уяснивъ простое, мы можемъ понять сложное. А душевная жизнь животныхъ и отличается отъ душевной жизни людей своею простотою. Поэтому изученіе ея должно быть

¹⁾ Кавелинъ, *Задачи Психологіи*, стр. 99—100.

положено въ основу изученія душевной жизни человѣка. «Истинно индуктивная психологія, говоритъ Маудсли, должна слѣдовать естественному порядку и начинать тамъ, гдѣ начинается духъ, то есть съ животныхъ... и затѣмъ постепенно подниматься до тѣхъ высшихъ и болѣе сложныхъ душевныхъ явленій, которыя распознаетъ или думаетъ, что распознаетъ сомонаблюдающій философъ»¹⁾. На этомъ же основаніи наблюденіе надъ жизнью дѣтей и первобытныхъ народовъ должно предшествовать наблюденію надъ жизнью взрослыхъ людей и культурныхъ народовъ.

Такіе взгляды на способъ познанія духа, естественно, отражаются на самомъ характерѣ современныхъ ученій о духѣ. Безспорныя показанія внутренняго опыта игнорируются или прямо отрицаются. Къ изученію духа приступаютъ съ физическими понятіями. Въ духѣ, подобно тѣламъ, разыскиваютъ элементы и связывающій ихъ цементъ. Такими элементами обыкновенно признаютъ ощущенія и простыя чувствованія, а связывающимъ ихъ цементомъ механическую ассоціацію. Въ результатѣ личный духъ отъ взора изслѣдователей ускользаетъ. На мѣсто его получается подвижное сочетаніе измѣчивыхъ явленій сознанія. Дѣлается еще шагъ впередъ по пути матеріализаціи духа—и получается отрицаніе всякаго значенія за явленіями сознанія. Явленія сознанія, говорятъ намъ матеріалисты, суть не болѣе, какъ пассивные спутники мозговыхъ процессовъ. Подобно тѣни, они рабски слѣдуютъ за мозговыми процессами и не могутъ оказать на нихъ никакого вліянія. Но и это слѣдованіе можетъ быть явленіемъ временнымъ. Оно существуетъ, пока продолжается прокладываніе новыхъ путей къ мозгу, соединенное съ приспособленіемъ организма къ окружающей средѣ. Но если бы организмъ вполне приспособился къ средѣ и всѣ пути въ мозгу были бы проторены,—сознаніе неизбежно погасло бы²⁾. Тогда всѣ счеты съ духомъ были бы покончены.

Спрашивается: ужели могутъ быть истинными ученія, которыя ведутъ къ отрицанію личнаго духа и сознанія? Нѣтъ. Противъ такого вывода возмущается все наше существо. Мы ясно сознаемъ, что каждый изъ насъ есть личность,

¹⁾ Маудсли, Физиологія и патологія души, Пер. Исаяна. СПб. 871. стр. 18.

²⁾ Maudsley, The Physical Conditions of Conscionsness. „Mind“ Oktober. p. 490—515.

обладающая творческою силою. Черезъ нее по идеямъ разума мы преобразуемъ и окружающую насъ дѣйствительность и себя. Тамъ, гдѣ нѣкогда находились непроходимыя болота, въ настоящее время мы имѣемъ столицу Россіи—Петербургъ, въ которомъ собраны различныя произведенія наукъ и искусствъ. Но это произошло не само собою вслѣдствіе слѣпотоу дѣйствія физическихъ силъ, а создано сознательными усиліями человѣческаго духа. Еще болѣе величественную картину представляютъ собою строгіе подвижники, которые неуспянно работу надъ собою достигаютъ того, что предъ ихъ духовною силою преклоняется и собственная, и окружающая ихъ физическая природа. Это—факты, которыхъ отрицать нельзя. Но въ такомъ случаѣ указанныя ученія, какими бы убѣдительными съ внѣшней стороны они ни представлялись, должны заключать въ себѣ фальшь.

Не нужно большой проницательности, чтобы видѣть, что возраженіе Гоббеса противъ возможности внутренняго воспріятія составляетъ плодъ изворотливости мысли, отрѣшенной отъ опыта. Если бы Гоббесъ искренно присмотрѣлся къ своимъ воспріятіямъ, то замѣтилъ бы, что каждое изъ нихъ имѣетъ двѣ стороны: является актомъ сознанія и самосознанія. Какъ актъ сознанія, воспріятіе даетъ намъ знать, съ какимъ предметомъ мы имѣемъ дѣло, что мы предъ собою видимъ—столъ, стулъ, чернильницу, перо или что другое. А какъ актъ самосознанія, оно говоритъ намъ, что видя, напр., столъ, мы *созерцаемъ*, а не находимся въ состояніи волненія или желанія. Эти двѣ стороны даны всюду, хотя вслѣдствіе узости сознанія не всегда одинаково ясно сознаются нами. Въ одинъ разъ болѣе ясно сознается предметъ, въ другой—самый актъ воспріятія. Когда мы встрѣчаемся съ новымъ и интереснымъ предметомъ, на первый планъ выступаетъ сознаніе этого предмета. Наоборотъ, когда мы попадаемъ въ общество, гдѣ горячо обсуждаются вопросы, съ которыми мы давно покончили, у насъ возникаетъ живое сознаніе, что это общество не представляетъ для насъ никакого интереса, что мы являемся въ немъ *простыми созерцателями*. Никакихъ другихъ отраженій въ сознаніи кромѣ этихъ двухъ, при воспріятіи предметовъ, не бываетъ и быть не можетъ. Гоббесъ боится безконечныхъ отраженій въ сознаніи. Подобныя отраженія возможны, но—не сразу, а въ послѣдовательные моменты. Удалившись изъ скучнаго общества, мы можемъ,

напр., отмѣтить для себя, или сознать, что провели время попусту—въ пассивномъ созерцаніи. Но это сознаніе можетъ явиться не тогда, когда мы сидимъ въ обществѣ и слушаемъ его разсужденія, а въ послѣдующій моментъ, когда эти разсужденія прекратятся или мы перестанемъ ихъ слушать.

Болѣе серіознымъ характеромъ отличается возраженіе Конта. Само по себѣ оно, конечно, очень наивно. Когда говорить о внутреннемъ чувствѣ, то вовсе не разумѣютъ подъ нимъ какого-либо органа чувства, въ родѣ глаза, находящагося гдѣ-то внутри насъ, а хотять выразить только, что душевныя явленія воспринимаются нами такъ же непосредственно, какъ непосредственно открываются нашимъ глазамъ видимые предметы. Но заявленіе, что мы можемъ воспринимать только тѣ явленія, которые находятся предъ нами, заключаемъ въ себѣ глубокую мысль. Познавательныя явленія необходимо предполагаютъ раздѣленіе между созерцающимъ субъектомъ и созерцаемымъ объектомъ. Гдѣ нѣтъ этого раздѣленія, тамъ не можетъ быть и познанія. Но эта мысль у Конта не доведена до конца. Контъ думаетъ, что только матеріальныя явленія могутъ находиться предъ субъектомъ въ качествѣ объекта. Въ основѣ этой мысли лежитъ у него, очевидно, предположеніе, что образы матеріальныхъ явленій, какъ вызываемые въ насъ дѣйствіемъ внѣшнихъ тѣлъ, должны само собою находиться внѣ насъ. Но такое предположеніе слишкомъ близоруко. И во внѣшнемъ воспріятіи мы имѣемъ дѣло не съ внѣшними явленіями, а со своими собственными состояніями, создаваемыми нами непосредственно. Физика доказываетъ, что въ природѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни звуковъ, ни запаховъ, а существуютъ лишь различныя движенія. Эти качества суть, слѣдовательно, произведенія нашего духа. Какъ такія, они нигдѣ больше не могутъ находиться, какъ только въ насъ. Если же они представляются данными во внѣ, то это отнесеніе ко внѣ есть дѣло нашего духа. Мы, какъ сознающій субъектъ, отдѣляемъ себя отъ своихъ состояній, ставимъ ихъ предъ собою, какъ объектъ, и въ такомъ видѣ созерцаемъ ихъ. Но если мы—въ цѣляхъ созерцанія—отдѣляемъ себя отъ однихъ своихъ состояній, принимаемыхъ нами за физическія качества, то почему не можемъ дѣлать того же самаго по отношенію къ другимъ своимъ состояніямъ, которыя мы считаемъ чисто психическими? Обращаясь къ опыту, мы видимъ, что не только можемъ, но и дѣлаемъ всегда такъ. Мы сознаемъ свои мыс...

чувствованія и желанія не какъ части себя, а какъ различныя проявленія, или принадлежности нашего Я. Они, слѣдовательно, не сливаются съ нашимъ Я, а обособляются отъ него—какъ объекты, и чрезъ то созерцаются имъ. И чѣмъ больше отдѣляется отъ субъекта какое-либо его состояніе, тѣмъ яснѣе сознается его природа. Никакія душевныя состоянія не находятся такъ близко къ субъекту, какъ чувствованія, потому что они затрагиваютъ самое существо его. Но если мы хотимъ дать себѣ отчетъ въ какомъ-либо чувствованіи, мы отдаляемъ его отъ себя, оглядываемся какъ бы назадъ и тамъ на разстояніи отъ себя рассматриваемъ его, какъ какой-нибудь посторонній предметъ. Т. о., основываясь на показаніяхъ внутренняго опыта, мы должны признать, что самосознающій духъ противопоставляетъ себѣ свои состоянія и въ такомъ видѣ непосредственно сознаетъ ихъ. Непосредственное сознаніе душевныхъ явленій, или внутреннее воспріятіе, есть первый и самый главный источникъ познанія духа.

Возраженіе Конта противъ возможности внутренняго наблюденія, взятое въ отвлеченіи, совершенно справедливо. Мы, какъ единый субъектъ, въ одинъ моментъ времени можемъ совершать только одинъ актъ. Поэтому когда мы заняты воспріятіемъ какого-либо сложнаго душевнаго явленія, мы не можемъ производить наблюденія надъ нимъ, т. е. слѣдить за взаимнымъ отношеніемъ его моментовъ и связывать ихъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что внутреннее наблюденіе не возможно вообще. Если наблюденію надъ явленіемъ мѣшаетъ процессъ воспріятія его, то нужно выждать, когда этотъ процессъ ознакомленія съ отдѣльными моментами явленія окончится, чтобы начать затѣмъ наблюденіе. Съ окончаніемъ воспріятія, явленіе перейдетъ въ область памяти и можетъ усиліями воли быть снова вызвано въ сознаніе. Оно можетъ возникнуть въ сознаніи чрезъ извѣстный промежутокъ времени и независимо отъ нашей воли, подъ вліяніемъ такихъ же условій, какими оно было вызвано въ первый разъ. Но какъ бы оно ни возникло во второй разъ въ сознаніи, воспріятіе его, какъ явленія знакомаго, уже не потребуетъ отъ насъ никакого труда. Работу мысли мы можемъ поэтому употребить на сопоставленіе отдѣльных его моментовъ и на воспріятіе ихъ взаимнаго отношенія. Быстро переходя мыслию отъ перваго момента ко второму, отъ второго къ третьему и обратно и сосредоточивая свое вниманіе на ихъ отношеніи, мы усмотримъ, на-

конецъ, это отношеніе. Моменты явленія съ точки зрѣнія этого отношенія объединятся и дадутъ намъ образъ единого цѣлаго. Наблюденіе надъ разсматриваемымъ явленіемъ т. о. будетъ произведено. Эта необходимость сначала воспринять явленіе, чтобы потомъ наблюдать надъ нимъ, имѣетъ отношеніе къ наблюденію не надъ душевными только явленіями, а и надъ всякими другими явленіями. Не говоритъ ли намъ ежедневный опытъ, что при встрѣчѣ съ новымъ сложнымъ матеріальнымъ предметомъ, напр., картиною, мы не можемъ сразу усмотрѣть всѣхъ ея частей съ ихъ взаимнымъ отношеніемъ, и что поэтому первоначальное впечатлѣніе отъ картины бываетъ очень смутное и неопредѣленное. Только потомъ, когда мы внимательно рассмотримъ отдѣльныя фигуры на ней и прослѣдимъ ихъ взаимное отношеніе, у насъ явится образъ цѣлаго, и картина будетъ для насъ понятна. То же самое замѣчается, когда мы хотимъ наблюдать надъ какимъ-нибудь сложнымъ явленіемъ физической природы. Мы должны сначала воспринять его отдѣльныя фазы и затѣмъ или воспроизвести ихъ въ сознаніи, или выждать моментъ, когда они сами собою снова пройдутъ предъ нашими глазами, чтобы дать себѣ отчетъ въ ихъ взаимномъ отношеніи и построить изъ нихъ то цѣлое, которое совершилось предъ нами. «Несомнѣнно, говоритъ Льюисъ, движеніе, наблюдаемое нами, заканчивается рапѣе, чѣмъ сдѣлано наше наблюденіе. Оно состояло изъ цѣлага ряда слѣдующихъ другъ за другомъ въ пространствѣ положеній. Мы мысленно снова проходимъ сквозь этотъ рядъ положеній, связывая точку отправленія съ точкою прибытія. И потому именно, что мы можемъ мысленно воспроизвести эти точки, мы знаемъ, что произошло движеніе. Такимъ образомъ прямое воспріятіе (отдѣльныхъ пространственныхъ положеній) должно быть дополнено косвеннымъ схватываніемъ, возстановляющимъ части въ цѣлое» ¹⁾). Аналогію между внѣшнимъ и внутреннимъ наблюденіемъ можно провести и дальше. Какъ извѣстно, воспріятіе взаимнаго отношенія частей наблюдаемаго матеріальнаго предмета или моментовъ наблюдаемаго физическаго явленія отъ повторенія становится обыкновенно яснѣе и раздѣльнѣе. Въ концѣ концовъ бываетъ достаточно одного взгляда на предметъ или явленіе, чтобы ясно сознать его во всѣхъ его подробностяхъ.

1) Льюисъ, Изученіе Психологіи. Стр. 86.

Точно также и воспріятіе какого-либо душевнаго явленія со всѣми его моментами становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ чаще возникаетъ это явленіе въ нашемъ сознаніи. Возьмемъ для примѣра к.-л. чувствованіе. Когда мы переживаемъ его въ первый разъ, оно овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Мы какъ-бы совсѣмъ забываемся. Наше сознаніе какъ-бы все уходитъ на переживание его. Но что бываетъ съ этимъ чувствованіемъ, когда оно часто начинаетъ повторяться въ нашемъ опытѣ? Переживание его теряетъ свою свѣжесть; за то выигрываетъ въ своей ясности воспріятіе его. Какъ только оно возникаетъ, мы уже не увлекаемся имъ, а проникаемся сознаніемъ, что наступаетъ такое-то чувствованіе, сопровождающееся такими-то явленіями и т. п. Особенно живо бываетъ это сознаніе въ томъ случаѣ, когда возникаетъ въ насъ к.-л. нежелательное чувствованіе, бороться съ которымъ мы поставили свою задачу. Тогда при первыхъ проблескахъ этого чувствованія, мы сразу узнаемъ, какое чувствованіе заговорило въ насъ, чѣмъ оно вызывается, въ какую сторону нужно направить вниманіе, чтобы подавить это чувствованіе и т. д. Очевидно, этотъ послѣдній фактъ и имѣетъ въ виду Контъ, когда ссылается на опытъ, какъ на доказательство невозможности внутренняго наблюденія надъ чувствованіями. Но этотъ фактъ имѣетъ совсѣмъ другую причину. Потому исчезаетъ чувствованіе, что мы приступаемъ къ наблюденію надъ нимъ съ цѣлью его подавленія. Если же этой цѣли мы не преслѣдуемъ и если чувствованіе или образъ его возникаетъ въ насъ не первый разъ,—наблюденіе надъ нимъ возможно. Это прекрасно доказываютъ своимъ примѣромъ христіанскіе подвижники, которые, основываясь на самонаблюденіи, такъ хорошо знали природу человѣческихъ страстей и умѣли бороться съ ними. Г. о. внутреннее наблюденіе не только возможно, но и совершенно одинаково по существу своему съ внѣшнимъ наблюденіемъ. Въ обоихъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же процессомъ мысли, обращеннымъ на явленія сознанія съ цѣлью ихъ объединенія. Разница между ними заключается лишь въ томъ, что во внѣшнемъ наблюденіи мысль устанавливаетъ связь между явленіями сознанія, служащими показателемъ внѣшней дѣятельности, во внутреннемъ же наблюденіи—между явленіями сознанія, отражающими непосредственно нашу собственную духовную природу.

Послѣ сказаннаго не трудно уже понять, что мнѣніе, будто свѣдѣнія о жизни духа мы должны заимствовать исключительно изъ внѣшняго наблюденія, совершенно ложно. Нашимъ внѣшнимъ чувствамъ доступны лишь матеріальныя явленія. Посему посредствомъ внѣшняго наблюденія мы можемъ получать свѣдѣнія только о тѣлахъ, ихъ свойствахъ и движеніяхъ. Познать посредствомъ его больше этого мы не можемъ, какъ бы наши чувства ни изоцрѣались или какими бы аппаратами мы ихъ ни вооружали. Открытые въ послѣднее время Рентгеновскіе лучи даютъ намъ возможность видѣть въ живомъ человѣкѣ его внутренности, напр., сердце, желудокъ, діафрагму и слѣдить за ихъ движеніями. Но если бы при помощи этихъ лучей можно было освѣтить человѣка насквозь, такъ чтобы отъ взора наблюдателя не ускользалъ ни одинъ процессъ, совершающійся въ тѣлѣ, то и тогда мы воспринимали бы только различные органы и происходящія въ нихъ движенія и перемѣны. А что совершается во время этихъ движеній въ душѣ человѣка, какія онъ переживаетъ мысли, чувствованія и т. п.,—это для глазъ наблюдателя осталось бы совершенно недоступнымъ. „Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, говоритъ апостоль Павелъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ“? И подлинно, переживаемое нами въ душѣ извѣстно только намъ самимъ, отъ взора же другихъ сокрыто непреодолимою преградой. Правда, душевныя явленія выражаются во внѣ,—въ движеніяхъ, рѣчи, поступкахъ, произведеніяхъ творчества. Но всѣ эти выраженія являются для нашихъ чувствъ различными измѣненіями тѣла и больше ничѣмъ. За ними скрываются душевныя явленія, говорятъ намъ. Но какія? Объ этомъ мы можемъ строить лишь догадки и предположенія. Внѣшнія проявленія духа—въ чемъ бы они ни состояли, въ выразительныхъ движеніяхъ или въ произведеніяхъ науки и искусства—суть іероглифы, въ которыхъ мы усмотримъ такую или иную мысль, смотря по тому, какъ мы будемъ читать ихъ. А читать выраженія душевной жизни или внѣшнія проявленія духа мы можемъ не иначе, какъ основываясь на внутреннемъ и внѣшнемъ наблюденіи надъ собою. Это можно видѣть лучше всего на примѣрѣ выразительныхъ движеній. Мы должны пережить душевное явленіе и подмѣтить, какъ оно выражается въ насъ. Только подъ этимъ условіемъ, встрѣтившись съ такимъ же выраженіемъ въ другомъ человѣкѣ, мы можемъ заключить по

аналогіи, что и въ немъ это выраженіе служить показателемъ душевнаго явленія, подобнаго нашему. Зная, напр., по собственному опыту, что при напряженномъ размышленіи, наши глаза дѣлаются неподвижными и все тѣло какъ бы застываетъ на мѣстѣ, мы можемъ уже сознательно заключить, что человѣкъ, устремившій свои глаза въ одну точку и сидящій неподвижно, погруженъ въ какія-либо мысли. Такъ какъ подобныя заключенія мы дѣлаемъ постоянно, то они становятся для насъ очень привычными и легкими. При взглядѣ на выразительное движеніе, мы сразу догадываемся, что оно обозначаетъ. Но это справедливо лишь по отношенію къ выразительнымъ движеніямъ нашего ежедневнаго обихода. Новыя же и совершенно незнакомыя выраженія душевныхъ явленій обыкновенно ставятъ насъ въ тупикъ. Если бы встрѣтился намъ какой-либо иностранецъ и заговорилъ съ нами на своемъ языкѣ, котораго мы не знаемъ, то мы не поняли бы, о чемъ онъ намъ говорить. То же самое нужно сказать и о другихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ человѣческаго духа. Художникъ, напр., воплощаетъ въ своемъ произведеніи, скажемъ картинѣ, опредѣленную идею. Но если мы не художники и изученіемъ художественныхъ произведеній никогда не занимались, то эта идея останется для насъ неуловимою. Нужно быть самому законодателемъ или близко стоять къ этому дѣлу, чтобы исполнѣтъ понять тѣ или другіе памятники внѣшняго законодательства. Еще въ большей степени приводятъ насъ въ недоумѣніе внѣшнія проявленія, если они выражаютъ незнакомое намъ душевное явленіе. Душевную жизнь другихъ мы можемъ понимать только въ терминахъ нашей собственной жизни. Видя, напр., плачущаго человѣка, мы догадываемся, что его постигло какое-либо горе. Но самое горе мы представляемъ себѣ непременно въ видѣ того, какое мы сами нѣкогда пережили. Если поэтому совершается предъ нами душевное явленіе, которому ничего соотвѣтствующаго въ нашей собственной жизни нѣтъ, то мы или совсѣмъ не поймемъ этого явленія, или истолкуемъ его превратно. А съ такими явленіями мы встрѣчаемся всякій разъ, когда душевная жизнь существа наблюдаемаго рѣзко отличается отъ нашей. На этомъ основаніи сухому скрагѣ трудно понять поведеніе щедраго благотворителя. Высокіе подвиги христіанскихъ аскетовъ кажутся юродствомъ и безуміемъ человѣку, который ищетъ въ жизни однихъ наслажденій. По этой же

причинѣ лица, удостоившіяся духовныхъ видѣній или пережившія состояніе экстаза, сознавали невозможность передать другимъ, что они испытали. «Вѣмъ такова челоуѣка, говорить о себѣ апостоль Павелъ, аще въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть, яко восхищенъ бысть въ рай, и слышна не изречены глаголы, ихъ же не лѣтъ есть челоуѣку *глаголати*». (2 Кор. XII, 3. 4). Отсюда же становится понятнымъ, почему вызываетъ въ изслѣдователяхъ такое разногласіе душевная жизнь психически больныхъ, идиотовъ, дѣтей и животныхъ. Психологи матеріалисты учатъ, что знаніе одушѣ челоуѣка должно быть построено на знакомствѣ съ душевною жизнью животныхъ. Въ дѣйствительности порядокъ изученія долженъ быть какъ—разъ обратный. О душевной жизни животныхъ мы можемъ судить только по своей собственной. И такъ какъ душевная жизнь животныхъ рѣзко отличается отъ нашей, то мы легко можемъ впасть въ ошибочныя сужденія о ней. Здѣсь возможны двѣ крайности: или мы можемъ, подобно Декарту, считать животныхъ бездушными автоматами, или приписать животнымъ то, что принадлежитъ намъ. Мнѣніе Декарта въ настоящее время не находитъ для себя сторонниковъ. Зато въ другой крайности повинны многіе современные изслѣдователи. Вотъ, напр., какіе рассказы о муравьяхъ находимъ мы въ сочиненіи Romanes'a подъ заглавіемъ «Умъ животныхъ». «Однажды я замѣтилъ, говорится здѣсь отъ лица одного пастора, въ одной колоніи подземное кладбище, въ которомъ муравьи были заняты погребеніемъ своихъ мертвыхъ, покрывая ихъ землею. Одинъ изъ нихъ, видимо, охваченный сильнымъ душевнымъ волненіемъ, хотѣлъ снова вырыть тѣла, но его удержали отъ этого могильщики... «Дюжина молодыхъ царицъ, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, забавлялись тѣмъ, что взлѣзали на большой камень, лежавшій у входа въ муравейникъ. Онѣ шутя тѣснились и толкались. Каждая хотѣла получить лучше мѣсто. Рабочіе не принимали участія въ этой игрѣ, но, казалось, наблюдали за ней. По временамъ они привѣтствовали своихъ принцессъ щупальцами, предоставляя имъ, впрочемъ, полную свободу». Или еще рассказъ: «Молодой муравей при своемъ вступленіи въ свѣтъ, по видимому, еще не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній объ обязанностяхъ, падающихъ на него, какъ на сочлена общества. Его ведутъ по гнѣзду, обучаютъ домашнимъ добродѣтелямъ, въ особенности уходу за личинками. Позднѣе учатъ его от-

личать друзей отъ враговъ»¹⁾). Читая подобныя разсказы, можно подумать, что это—басни, составленныя для дѣтей. Но Котанес думаетъ иначе: онъ выдаетъ все это за дѣйствительныя событія. Нужно ли послѣ этого удивляться, что между человѣкомъ и животными не находятъ никакого существеннаго различія? Различія такого и быть не можетъ, когда на животныхъ цѣликомъ переносятъ душевную жизнь человѣка.

Резюмируя вышесказанное, мы видимъ, что самооткровеніе духа есть единственный опытный источникъ, изъ котораго мы получаемъ непосредственное знаніе о своей собственной душевной жизни и посредственное знаніе о душевной жизни другихъ существъ. Посему, если мы хотимъ выработать правильное понятіе о духѣ и его жизни,—мы должны держаться этого источника, какъ можно, ближе, заимствуя изъ него, а не изъ вѣдншаго наблюденія руководящія принципы. А чтобы этотъ источникъ былъ чистъ и давалъ полное отраженіе человѣческаго духа, мы должны позаботиться о просвѣтленіи и облагороженіи своей души, о развитіи тѣхъ ея сторонъ, которыя отличаютъ насъ отъ животныхъ. Только подъ этимъ условіемъ мы откроемъ въ себѣ идеальныя запросы и усмотримъ въ своей природѣ отраженіе вѣчной, божественной природы. Неразуміе исключительной погони за матеріальными благами мы русскіе уже почувствовали. Призывъ къ религиозно - нравственному образованію у насъ уже дѣлается. Будемъ надѣяться, что русскій народъ, хотя и темный, но всегда сѣрдобольный и богобоязненный, давшій изъ своей среды цѣлый сонмъ великихъ подвижниковъ, отзовется на этотъ призывъ и разовьетъ высшія стороны своей духовной природы. Тогда создастся благопріятная почва для истиннаго направленія науки о духѣ и мы будемъ имѣть вмѣсто психологіи человѣка—животнаго психологію человѣка—

ОБРАЗА БОЖІЯ, умаленнаго малымъ чимъ отъ ангель, славою и честью вѣчнаго-царя видимаго міра.

Виталій Серебrenиковъ.

¹⁾ W u n d t, Vorlesungen über Menschen und Thierseele. 2-te Auflage. Hamburg und Leipzig. 1892. p. 372—378.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки